

ЕЩЕ ОДИН УВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ГОД

В эти дни Вышка отмечает очередной день рождения – нам 26 лет! Мы так быстро меняемся, что сегодня сильно отличаемся от себя даже 5 лет назад. А что уж говорить о более ранних годах. Сегодня Вышка – это новые факультеты, новые образовательные модели, новые международные лаборатории и, конечно, новые люди, присоединившиеся к нашей команде.

Окружающая среда в Вышке меняется так быстро, что мы не всегда успеваем за этими изменениями, а порой даже не знаем о некоторых из них. Именно поэтому мы уделяем такое внимание обратной связи. Один из ее инструментов – это мониторинг преподавательской и научной жизни и мониторинг административного персонала, который ежегодно проходит в Вышке в конце ноября – декабре. Чтобы понимать настроения и проблемы коллег, чтобы иметь обратную связь о качестве административных сервисов и видеть, насколько они комфортны или некомфортны для сотрудников, нам нужны в том числе и результаты подобных опросов. Эти данные внимательно рассматриваются и принимаются во внимание при принятии решений, касающихся жизни Вышки. Опросы проходят онлайн, ссылки на анкеты распространяются по электронной почте. Возможность заполнить анкету есть у каждого сотрудника. Это можно сделать в удобное время, заполнение можно разделить на несколько сеансов. Цель опроса – узнать отношение сотрудников к различным аспектам деятельности и развития университета. В этом году особое внимание уделено вопросам, связанным с оценкой условий работы в НИУ ВШЭ и административных сервисов. Очень надеемся, что вы уделите время заполнению анкеты, ссылка на которую кому-то уже пришла и ждет в ящике корпоративной почты, а кому-то придет на этой неделе.

О результатах прошлых мониторингов рассказывают и «Окна роста», и «Типичная Вышка». Результаты используются руководством университета при оценке отдельных сервисов, а также при стратегическом планировании тех или иных изменений. Каждый голос очень важен, и мы надеемся, что в этом году в результатах мониторинга будет учтен и ваш тоже.

С днем рождения, Вышка!

Мария Юдкевич,
проректор НИУ ВШЭ ■

ВСПОМНИТЬ ВСЁ

У Вышки день рождения! Это хороший повод еще раз вспомнить и попытаться осмыслить важнейшие этапы и события из истории нашего университета, прошедшего путь от небольшого экономического вуза до многодисциплинарного исследовательского центра.

Так, в рамках проекта «Год в истории» сотрудники университета вспоминали события, произошедшие в разные годы существования Вышки. Какие слушали песни во время открытия в университете первой программы двойных дипломов, что носили в год создания стратегии развития, что тревожило весь мир, в то время как мы формировали мегафакультеты (<https://25.hse.ru/hist>).

День рождения дает повод задуматься и над тем, как в стенах альма-матер рождалась и развивалась наука, без которой не было бы ни студентов, ни преподавателей, ни университета как такового. В проекте «И для школы, и для жизни» первые профессора Высшей школы экономики рассказали о своих научных интересах, исследованиях и достижениях, а также поделились своими мыслями о том, какой путь прошла наука в нашей альма-матер за четверть века. Тексты бесед и видеозаписи интервью доступны по ссылке <https://25.hse.ru/origin>.

На портале Вышки работает также сайт проекта «Другие города» (<https://25.hse.ru/cities>).

83 рассказа профессоров и преподавателей Вышки о своих любимых городах доступны в открытом доступе. Не выходя из комнаты, можно посетить 83 города, 32 страны и 5 континентов, побывать как в культурных столицах, так и на разных концах света. Вместе с героями проснуться утром в Париже от запаха свежей выпечки, покататься на трамвае по Вене, понаблюдать за жизнью Праги из кафе «Славия», послушать лекции в Шанхае, сходить к дому Гуссерля на Лореттоштрассе во Фрайбурге, научиться готовить шукрут во Фрибурге и попытаться уснуть на футоне в Токио.

С днем рождения, дорогая Вышка! ■

ДОБРОДЕТЕЛИ И ПОРОКИ АКАДЕМИКОВ

Проблемы профессиональной этики последнее столетие находятся в центре внимания людей разных профессий и сообществ. Обладают ли представители университетской корпорации специфическими пороками и добродетелями? Регулирует ли академическая этика нашу жизнь? Об этом размышляют **Иван Аржанцев, Елена Вишленкова, Дмитрий Дагаев, Алексей Руткевич и Александр Чепуренко.**

АЛЕКСЕЙ РУТКЕВИЧ, НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ФАКУЛЬТЕТА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Добродетели и пороки ученых те же, что и у всех прочих людей. Смелость и трусость, вежливость и грубость, щедрость и скупость не зависят от уровня образования, эрудиции или рода занятий. Без так называемых кардинальных добродетелей – справедливости, благоразумия, умеренности и мужества – античные и средневековые мыслители считали невозможной благую жизнь. Глядя на то, что творилось у нас последние четверть века в Академии наук и в университетах, мы понимаем, к чему ведут алчность и тщеславие, но эти пороки были свойственны всей нашей «элите», да и обществу в целом.

Специфичной добродетелью ученых является стремление к истине. Противостоящих ей пороков множество – от глупости и лени до гордыни. Узость горизонта видения или торопливость, невоздержность обобщений, самолюбование, удовлетворенность достигнутым мешают этому стремлению. Для философов по определению высшей ценностью является мудрость, а она предполагает не только непрестанное движение к истине, но и добродетельную жизнь в соответствии с утверждаемым самим философом этическим каноном. Поэтому проповедовавший аскетизм, но не следующий этой проповеди Шопенгауэр или сделавшийся богачом стоик Сенека не раз осуждались за такую непоследовательность. Впрочем, сегодняшние «властители дум», ведущие борьбу за места «звезд экрана», куда больше напоминают «любомудров» из пьесы Лукиана Самосатского, которые подрались на пиру, не поделив курицу.

Конечно, пороки индивидуальные нередко поощряются порочностью социальной организации, они подкрепляются и утверждаются как норма. Несколько раз в неделю я, не открывая, стираю поступающие по электронной почте предложения опубликовать статью в англоязычном «высокорейтинговом журнале», а тем самым «повысить свой Хирш». Куда сложнее нравственные коллизии, проистекающие из возможных бесчеловечных последствий научных открытий. Причем речь совсем не обязательно идет о создании оружия или о генетике. Если следствием роботизации и «цифровой экономики» может оказаться безработица 5 миллиардов, то требуется именно античная добродетель благоразумия (*phronesis, prudentia*), каковую Цицерон определял как «знание того, к чему надо стремиться, и того, чего надо избегать». Добрые намерения без благоразумия могут вести к самым плачевным результатам – без этой добродетели все прочие добродетели слепы. Тот же Цицерон определял благоразумие как добродетель «риска и решения»; оно помогает нам избегать двух ошибок: принимать непознанное за познанное и опрометчиво с этим соглашаться; прилагать слишком большое старание к познанию темных предметов, далеких от человеческих нужд.

ИВАН АРЖАНЦЕВ, ДЕКАН ФАКУЛЬТЕТА КОМПЬЮТЕРНЫХ НАУК

Если говорить о добродетелях и пороках, которые характерны для ученых, на мой взгляд, они проистекают из одного источника. Настоящий ученый работает на вечность. Это должно вселять спокойную уверенность и оптимизм: все пройдет, а сделанное нами останется.

В интервью 2016 года мой научный руководитель Эрнест Борисович Винберг говорил о двух типах математических результатов: открытиях и изобретениях. Открытие чего-либо объективно существующего в природе – это огромное, мало с чем сравнимое счастье, оно наполняет жизнь смыслом. Исключительно приятно работать в коллективе людей, занимающихся чем-то значимым, ежедневно видеть их целеустремленность и самоотверженность, получать от них советы и поддержку. Если жизненные обстоятельства выталкивают в другую среду, трудно понять, как там можно находиться, и очень хочется вернуться обратно.

При этом работа ученого-теоретика, как правило, индивидуальна. Работать можно везде, было бы время и желание. Однажды я услышал, что для плодотворных занятий наукой нужны всего две вещи – крепкое здоровье и надежный тыл. Только с годами понимаешь, насколько это верно. Систематическая умственная деятельность производит из лучших представителей научного сословия особый тип людей: эти люди бесконечно преданы своему делу, их отличает неприятие глупости и бессмысленности.

Но здесь и один шаг до порока. Многие ученые живут под периодическим или постоянным гнетом трудных вопросов. Что ты сделал за свою жизнь? Есть ли по-настоящему серьезный результат? Да, ты хорошо преподаешь, у тебя есть ученики. А что сделали они? Ты активно публикуешься? И кто-то это читает? У тебя высокий индекс цитируемости? Но тебя цитирует, не читая, узкий круг таких же спорных персонажей, как ты. Тебя приглашают с докладами на ведущие конференции? На этих конференциях одни и те же 5-10 человек, которые считают себя мировыми лидерами в своей области, из года в год, но в разных странах рассказывают практически об одном и том же. Как раздробилась наука... Разве не права жена, когда говорит, что участие в конференциях – это способ на время сбегать от семьи? Это твой вклад в науку? Что от тебя останется?

Для большинства профессий подобные вопросы неактуальны. Но деятельность ученого специфична, здесь мало кто готов считать себя «рядовым бойцом исследовательского фронта». И человек срывается: «Это не теорема Смита, это моя, моя теорема! Ну и что, что я опубликовал (если опубликовал) свой результат в таком месте, где Смит, да и всем остальным, его никогда не найти. Да, формулировка нечеткая, доказательство лишь намечено, там есть пробелы. Но все равно это придумал я, и это по-настоящему красиво. А Смит – ничтожество,

его пустые педантичные тексты я читать не собираюсь». Отсюда происходят характерные для научной среды конфликты, противостояния «стенка на стенку», взъерошенная принципиальность и радикализм. Что делать, такая работа...

Елена Вишленкова,

ПРОФЕССОР ШКОЛЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Вопрос о пороках и добродетелях академических людей напоминает известное стихотворение Маяковского. Тем не менее проблемы академической этики ныне находятся в эпицентре международных обсуждений. На ежегодном семинаре в Страсбурге собираются представители университетских сообществ и исследователи высшего образования, чтобы сверить этические нормы, механизмы регулирования, обменяться опытом и предупредить о неудачах на этом пути. Публикуются результаты международных проектов по университетской добросовестности и добропорядочности.

Но формат издания предполагает не обзор этого исследовательского поля, а описание наблюдений историка о специфически университетских пороках и добродетелях. Есть ли они на самом деле? Полагаю, что университетскими их делают не люди, а условия. В университете работает и учится слишком много разных личностей. Их практически невозможно типизировать. Фильтры конкурсов и приемов не в состоянии отобрать культурно и психологически однородных людей. Им всем университетское пространство предоставляет возможности для реализации амбиций. В итоге здесь студент-аспирант-преподаватель проходит через череду искушений.

И мало где в других местах и корпоративных культурах столько искушений для развития гордыни. Причем на всех уровнях и во всех возрастных группах. В университете она иначе называется карьерным ростом, саморазвитием, экспертностью, компетентностью и прочими легализующими терминами. И до какого-то предела стремление доказать, сделать лучше, получить признание и правда является стимулирующим. Оно своего рода мотор, особенно в трудных условиях начала академического пути. Но в своих крайних формах именно в университете гордыня превращается в чванливость, непримиримость, агрессию, невосприимчивость к критике, ведет к требованию признания собственной исключительности.

Человеческая слабость зависти в условиях не столь конкурентной среды могла бы тихо тлеть, но в университете она оправдана рейтингами и легализуется необходимостью борьбы «за Истину» и за право на ее монопольное представительство.

Университет дает всем преподавателям власть над людьми. Даже начинающий ассистент, подчиненный практически всем коллегам по цеху, имеет слабо ограниченную власть над студентами. И это сильное искушение, способное развить мании и дать простор для реализации комплексов.

В этом отношении университет – своего рода увеличительное стекло для тех свойств, которые есть в человеке, но их рост не заметен для него самого. Научный проект Центра университетских исследований «Возрасты учености» показал, что университет – это царство кривых зеркал, и велико искушение выбрать для себя то, в котором ты краше.

Какие же специфические университетские добродетели и пороки в этой ситуации могут быть? Могу высказать по одному предположению в той и другой категории.

ДОБРОДЕТЕЛЬ ВСЕГДА ИДЕАЛЬНА

Чтобы университету быть сообществом, а не суммой конкурентно настроенных, завистливых, гордых и властных людей,

обладающих научными знаниями, в нем нужно как минимум сохранять верность корпоративным договоренностям (ограничителям) и быть благодарным не только по отношению к вышестоящим. В идеале договоренности должны меняться медленно, а вступающие в университет неопиты должны получать свод конвенций в наследство и становиться, таким образом, единоверцами с их учителями и коллегами.

Соответственно, если совет профессоров решил, что они не торгуют учеными степенями (поскольку долгое время продавали степени и диссертации и считали это нормальным), значит, в данном академическом сообществе уже недопустимы те, кто этим занимается. Если университетские советы приняли решение, что интеллектуальное воровство табуировано (ведь веками считалось, что знание универсально и конечно, а значит, не является ничьей собственностью), то должны разоблачаться случаи присвоения чужого труда и идей.

Кажется, что все это очевидно, но история показывает, что труднее всего университетам давалась формализация, удержание общих правил, отказ от исключений. Наверное, поэтому в российских университетах так и не удалось за всю их историю установить возрастные ограничения для занятия преподаванием (каждый профессор требовал исключения), добиться единых стандартов качества образования (каждый университет и факультет устанавливал свою планку), заключить договоренности о критериях научного оценивания (оттого и различаются диссертации, защищенные в разных университетах).

Собственно, способность выполнять заключенные конвенции, а не пересматривать их слишком часто или в одностороннем порядке могла бы сделать академиком профессией. Но достичь этого не удается – в том числе и потому, что хочется менять договоренности, и потому, что многие умеют это делать и имеют возможность это сделать в силу властных ресурсов (участия в советах и комиссиях). Во всяком случае, университетские преподаватели не стали профессией со своей этикой, ценами на услуги, собственными коллективными интересами, защищенными профессиональными организациями и достоинством «свободного ученого сословия».

В университетских архивах значительная часть протоколов заседаний различных советов посвящена спорам, обвинениям, разоблачениям попыток нарушить, отступить или радикально изменить ранее заключенные соглашения о правилах академической жизни. В этой ситуации главная задача университетской администрации заключалась в том, чтобы удерживать (и самой не разрушать) достигнутые невероятным трудом конвенции. Современные университеты для этого не ограничиваются авторитетом ректора или попечителей, а создают комитеты и комиссии по этике.

ПОРОК ВСЕГДА РЕАЛЕН

С нежеланием руководствоваться корпоративными формализованными нормами связан очевидный университетский порок – фарисейство. Раньше его называли «лицемерие», сейчас он укутан в одежды «университетской доксы», «профессорской риторики», «академического дискурса».

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЧИТАЙТЕ НА САЙТЕ

OKNA.HSE.RU

БУЛАТ НАЗМУТДИНОВ

КИТАЙ ПУТЕШЕСТВУЕТ ПО ТЕБЕ

Колонку о жизни в Вышке принято посвящать какой-то проблеме или же впечатлению от нового академического путешествия. Мой рассказ – и том, и об этом: я до сих пор не могу четко понять, что со мною случилось.

Один из страшных моментов в работе преподавателя – потеря страсти к предмету, о котором рассказываешь. Причем чаще всего это не утрата собственно научного интереса, а солипсизм, замкнутость на себе, частью чего и становится безразличие к знанию. Для чего это все? Зачем это кому-то? Кто здесь?

Оказавшись в таком положении, лучше сменить горизонт, подняться над белой пустыней, оказаться там, где тебя прежде не было. Ощутить себя путешественником, действующим и познающим лицом, обрести кочевую субъектность.

Юридический принцип свободы субъекта, автономии личности – не отдельный, в себе независимый. Это отражение общего принципа самостоятельности личности как таковой. Знак того, что не сливаешься с кем-то еще – толпой, другими людьми, у тебя есть границы, отдельные взгляды и ощущения. Что мир не идет сквозь тебя как поток: ты способен к сосредоточенности и познанию. При таком отношении можно быть наблюдателем, а не только лишь соучастником.

Но это не ты путешествуешь по Китаю, а Китай путешествует по тебе. Дымкой в глазах, горечью в горле, смещением поясов, недосыпом. Желанием быть на ногах целый день, тонуть в новой части Пекина – дневной или ночной.

Люди самодовольно идут сквозь тебя, выставив напоказ свои недостатки, в том числе и физические, плюются, кричат, дергают за ладонь и говорят, используя самый грубый из всех четырех тонов. Многие выглядят так, будто вчера вылезли из канавы, а сейчас хотят в нее превратить все остальное, но вместо этого – вокруг великие китайские города, с храмами неба и небоскребами.

Или же это совсем молодая нация, присвоившая себе чужое прошлое и имеющая точно такие же связи с Конфуцием или империей Мин, какие есть у россиян с легендарными Кием и Гостомыслом? Иначе почему идеалом красоты у обычных китайцев стала модель из Хабаровска, а не средневековая императрица. Лишь светловолосые чужаки-«лаоваи» вызывают их искреннее внимание. Тем, кто на них хоть немного похож, они бросают «нихао» как милостыню и спешат дальше. Китайские улицы – полноводные реки, все дальше тебя уносящие от ощущения собственной значимости.

Во многих случаях китайцев не интересует результат, гораздо важнее соблудности ритуал и потратить пятнадцать минут общего времени на то, чтобы договориться о цене на такси, позвонив по несколько раз твоим или его знакомым, сообщить что-то совсем бесполезное, поехать дальше, а по прибытии все равно настаивать на своем так, как будто никакой договоренности не было. Но при этом возможно, к примеру, компании из шестерых сестер в обычный седан и доехать до нужной точки ночного Пекина по той же цене, что и одному.

Все эти, вроде бы типично ориенталистские, впечатления погружают в иной мир, который тебе в этот конкретный момент очень симпатичен. Особенно если ты погружаешься в него не один. Из-за того, что Китай блокирует фейсбук, гугл, ватсап, инстаграм, погрузиться в реальное гораздо легче, особенно если не заходить на корпоративную почту или в местный WeChat. Вы чаще смотрите на людей, чем на их фотографии или имейлы. В университете, как и на всякой работе, не просто дружить (хотя все мои друзья, кроме одноклассников, так или иначе связаны с Вышкой). В Китае же чувства как-то особенно неумеренны, обнажены. Юридическое отношение к миру, построенное на меновой справедливости, уступает вовлеченности, желанию жертвовать, не ожидая чего-то взамен.

Как в таком окружении возможны научная жизнь и общение между людьми из разных университетов и городов? Не утонет ли оно в ритуалах и взаимных раскланиваниях или же в странной, болезненной доверительности? Так ли искренни и правдивы письма счастья китайских студентов, которые трогательно и безыскусно рисуют нам свою дружбу и добросердечие, благодарят нас, зовут к себе?

Думаю, можно говорить и о сотрудничестве, и о дружбе. И даже критические недостатки могут оказаться скрытыми возможностями. После поездки в Китай у меня перестал работать интернет на ноутбуке, без перезагрузки системы я могу там сидеть не более 15 минут, на телефоне автоматически начал включаться «умный режим» распознавания лица. Как пошутили бы студенты Вышки: «Совпадение? Не думаю». Возможно, я нашел новых друзей, которые меня не только видят, но и читают. Кому-то я вновь могу рассказать что-то свое о теории права или Платоне. В мире есть еще кто-то кроме меня, это уже не сон.

Потолок ночных запахов падает на тебя,
Рушась под тяжестью самого теплого.
Запаха утра.

Выпускается НИУ ВШЭ. Редактор Сергей Матвеев. Иллюстрации Сергея Плешкова.

Перепечатка и воспроизведение материалов бюллетеня «Окна академического роста» возможны только с разрешения редакции.

Контакты: okna@hse.ru, (495) 772 9590, доб. 12-677.

Подписаться на рассылку можно здесь: <https://okna.hse.ru/contacts>. Дата выпуска: 27.11.2018.

Тираж 650 экз. Адрес: Москва, ул. Мясницкая, д. 20.